

«Овеяны трудом и славой эти скалистые сопки...»

Памятники флотской столицы

Города, как и люди, рождаются и вырастают: маленькие, уютные деревушки и поселения, окруженные глухими лесами и непроходимыми болотами, превращаются впоследствии в гигантские мегаполисы - «муравейники», пронзающие небесную синеву небоскребами из стекла и бетона, которые гармонично сочетаются с островками старого и загадочного мира легенд и преданий.

Для нашего городка, справляющего свое 45-летие, вхождение в историю только-только начинается: ведь нынешнему многоэтажному облику Североморска, сменившего непривлекательный вид повсеместных финских домиков (коммунальное, деревенское общежитие), не более 15 лет, а это очень маленький срок.

Тем более что первоначально никто не планировал возведения на лысых приморских сопках какого-либо постоянного жилья: на это в свое время богатое морским промыслом место случайно наткнулись бродячие артели, на скорую руку поставили палатки и кое-как вырыли ямы для копчения рыбы, а поскольку сюда приходили лишь на время короткого полярного лета, то и не составляли себе труда позаботиться о бытовых удобствах - обходились временным жильем в землянках.

Следующую страничку городской истории полностью исписала война: место рыболовецких шхун и лодок заняли военные катера и корабли, переведенные сюда из-под почти разрушенного Мурманска, чуть в отдалении от залива было возведено несколько каменных зданий (штаб флота и госпиталь, сильно пострадавшие от частых бомбежек), а далеко в сопках (теперь это Авиагородок) укрылись аэродромы - помимо русских летчиков здесь располагалась и интернациональная англо-американская эскадрилья, около 200 человек).

От этого трудного, но героического времени сохранилась легенда об отважном олене, "сбившем" немецкий самолет (к сожалению, скульптуре этого животного, стоявшей на подъезде к ул. Кирова, в начале 80-х годов варварски отбили голову, а потом куда-то убрали и всю фигуру): вражеский пилот, летевший однажды на задание, заметил одиноко пасущегося оленя, охотничий азарт перевесил чувство долга, и он устремился в погоню за несчастным животным, но во время очередного разворота зазевался и врезался в сопку.

В 1971 году на Привокзальной площади вместе с двумя 12-этажными домами, своеобразными городскими воротами без крепостных стен, в память о ратном труде моряков-североморцев был возведен "музыкальный" монумент: люди пожилого возраста помнят тот холодный апрельский день, когда при открытии памятника впервые откуда-то

из его глубины полились тихие, печальные звуки музыки (раньше они звучали постоянно, через определенные интервалы времени, а теперь их не услышать - наверное, что-то сломалось: ничто не может нам напомнить об истории).

Теперь осталось только одно - собирать воспоминания старожилов города - они еще живы, несмотря на многочисленные болезни, полученные в наследство от тяжелого, изматывающего труда, военного лихолетья, холодных и сырых землянок, эпидемии цинги 45-46 годов, когда лук был на вес золота (лечились тогда отваром из сосновых иголок); они еще существуют на свои мизерные пенсии, стараясь при этом где-нибудь подработать, чтобы как-то выжить, многие старики встречали меня недоверчиво (не аферист ли к ним пожаловал?!), и поспешно захлопывали двери, лишь некоторые из них соглашались на беседу, старательно напрягали память и сбивчиво излагали свои знания - ценные свидетельства простых, незаметных людей о событиях и фактах, ушедших давно в историю.

"Из Мурманска меня направили сюда совсем еще несмышленной семнадцатилетней девчонкой работать в летной столовой. Это было в конце 41-го года, - вспоминает Галина Ивановна Архипова. - От нескольких каменных домов для летного состава к тому времени остались одни руины, и поэтому все жили в землянках. Рядом с аэродромом соорудили из тонких досок столовую, которая больше походила на сарай: сквозь широкие щели летом на деревянные столы стекал дождь, а зимой холодный ветер наносил снег. Ели всегда одетыми и по-быстрому - было очень много народу, едва успевали мыть посуду: иной раз вынешь из горячей воды миски и ложки (все железные), а они тут же покрываются льдом. Так и прошло для меня это время: не щадя своих сил работала целыми днями в столовой, как и все, провожала наших летчиков в полеты и с нетерпением ждала их...

Сразу же после войны перешла работать в 1-ю столовую (первоначально она находилась возле старого здания штаба флота): протоптанные в высокой траве тропинки соединяли несколько многоэтажных кирпичных домов с удаленной в сторону залива небольшой деревушкой (теперь здесь расположена стоматологическая поликлиника), а вокруг до самого моря тянулись непроходимые, гиблые болота - в них можно было утонуть.

Поверх наших домов, на сопке (нынешняя ул. Кирова), возвышался березовый лес, там мы собирали грибы и ягоды. Однажды перед работой я решила туда сходить и заблудилась. Бегу в одну сторону - кругом деревья, бегу в другую - опять все то же, испугалась (в то время даже за 20-минутное опоздание лишали всех полярков), расплакалась, с трудом нашла дорогу.

В 49-м году началась массовая застройка пустошей финскими домиками: осушались болота, стелились деревянные мостовые, ставились щитовые бараки: появились они очень быстро, словно грибы после дождя, вот только жить в них было несладко - нужно было топить печки, за водой ходить к колонкам, общие туалеты находились на улице.

Тогда же был разбит и городской парк! Красивый был необыкновенно! Везде цветочные клумбы, деревья, как в саду, возле танцевальной площадки соорудили небольшую крытую сцену для военного оркестра (по выходным всегда играла музыка, были танцы). А зимой бегали в Матросский клуб (существует и поныне на ул. Советской), единственное тогда место отдыха как для военных, так и для гражданских: на первом этаже располагались кинозал, небольшая библиотека и танцевальный зал для матросов, а на втором этаже - ресторан для офицеров. Помню, соберешься на танцы, тапочки быстро-быстро заштопаешь, чем-нибудь закрасишь, чтобы незаметно было, и идешь. Вот так и жили".

"Сразу же после войны, в 45-м году, - делится своими воспоминаниями Лидия Павловна Кряжева, - в городе, точнее в поселке, каменных домов практически не было, стоял только роддом да рядом штаб флота, на месте кинотеатра "Россия" возвышалась деревянная баня (топили в ней по "черному"), а весь склон сопки (теперь здесь ул. Сизова) занимали землянки.

Я сама жила в таком жилище: в земле вырывалась яма, ее стены обкладывались досками и скреплялись, оставалось свободным лишь место для входа, сверху стелили крышу. В ней проделывалось окошко, разделяли помещение на две неравные части. В одной была прихожая, в которой хранились разные полезные и необходимые вещи, в другой - спальня и кухня, обязательно ставилась печка, а возле стен - железные солдатские кровати или нары (в зависимости оттого, что люди могли себе позволить).

Вершину сопки (ул. Северная) стали застраивать в 51-м году: здесь работали военнопленные немцы, хорошо трудились, дисциплинированно, хотя и тяжело им приходилось в неволе - вечно голодные, они ходили по домам и предлагали мыло и доски в обмен на хлеб. Одни жалели их и давали что могли, другие с руганью гнали в три шеи (еще свежи были воспоминания о войне).

На месте нынешней ул. Комсомольской раньше выращивали картошку и содержали рогатый скот (этим занимался отдел тыла), лишь в 66-м году возвели здесь трехэтажную больницу, а до этого, поскольку в местной поликлинике (двух квартирах финского дома) не было условий для стационарного лечения, больных отвозили в

Мурманск, причем тогда не было автобусов: в областной центр ходила крытая брезентом грузовая машина.

Что и говорить, бедно мы жили, зато дружно и весело: мужики ходили по улицам с гармониями, пели песни, отплясывали, а бабы сидели на скамейках, болтали о жизни, совсем как в деревне, теперь все по-другому, скучно и непонятно".

С грустью и тоской вспоминают старики то прошедшее время: одинокими скалами возвышались среди ветхих хижин многоэтажные дома, возле потемневших от сырости деревянных мостовых валялись в грязи свиньи, бродили коровы, привязанные козы неторопливо пережевывали траву, везде сутились курицы, кто-то брал косу и шел косить скоту корм, а возле колонок женщины полоскали белье. Подобное можно было наблюдать в центре города еще в 67-м году.

К началу 80-х годов деревенский образ жизни постепенно оттеснили на окраины, лишь небольшой участок частных домиков на склоне сопки за кинотеатром "Россия" представлял собой некоторое подобие села: с палисадниками ярких цветов и буйно разросшейся травы, с укладками нарубленных дров и злыми цепными псами - грозой почтальонов. Теперь это место больше похоже на район химической катастрофы - голая земля, словно кем-то выеденная плешь, да однотипные серые девятиэтажные дома. Вот что приобрел наш город!

Эдуард Пигарев.